

Музыка человеческого общения

Москва, 1991 г. - 1997 г. - 24 мая. - с. 14.

В книге «Чужой спектакль», вышедшей ровно 15 лет назад, Михаил Левитин писал о своей профессии: «...Какая, в сущности, уязвимая профессия - режиссура. Как мы все беззащитны... Мы беспомощны. Беспомощны, когда у нас нет сцены, нет актеров, нет пьес, нет зрителей. Мало на земле таких зависимых профессий».

Тогда эти слова завалили в душу какой-то пронзительной печалью - печально по судьбе режиссера, мечтающего о собственном театре-доме, печально по тому разительному контрасту, что существует между взглядом со стороны и изнутри. Сегодня они вспоминаются и воспринимаются иначе - дистанция времени словно придавала этому признанию иной объем, а в словах о беспомощности зазвучала неожиданная нота не той, прежней, зависимости, а иной, окрашенной эпохой, в которую мы живем...

Но эта тема отдельная, какой бы животрепещущей она ни была. Сейчас речь об авторе той давней книги, который в нынешнем году будет отмечать небольшой, но очень важный юбилей - десятилетие театра «Эрмитаж» ставшего за эти годы не только театром-домом для режиссера Михаила Левитина, но и совершенно особым пространством для зрителей, приходящих сюда из вечера в вечер.

Все эти годы Михаил Левитин, режиссер, писатель, исследователь литературы, сознательно и довольно жестко выстраивал не просто определенный репертуар, но некую внутреннюю линию, по которой шел его театр. Еще в самом начале, когда в Театре мини-атюр появился ошеломивший своей эстетикой спектакль «Хармс! Хармс! Шардами или Школа клоунов», Левитин как будто бы

сам определил направленность будущего театра, как театра «не для всех». И менее всего предполагается под этим понятием какая бы то ни было элитарность публики - все гораздо проще и... значительно театральнее.

Помните, в «Школе клоунов» три персонажа рассказывают и показывают нам, как с самого утра не могут отделиться от ощущения чего-то чужеродного в горле; они покашливают, слезаются и, наконец, так или иначе освобождаются от маленького металлического молоточка, у каждого из них застрявшего в горле?.. Для меня с годами эта сценка стала своего рода символом: те, кто сумел освободиться от молоточка, стали восторженными и верными зрителями спектаклей Михаила Левитина. Кто освободился не до конца, принимает не всю программу «Эрмитажа». Кто живет с молоточком... приходится сюда один раз и порой уходит, не дожидаясь конца спектакля.

Потому, наверное, что спектакли Михаила Левитина нельзя просто посмотреть; каждый из них в отдельности и все они вместе требуют от зрителя и определенной культурной подготовленности, и определенной уровня образованности, и - может быть, это самое главное! - готовности вжиться в то сложное, многослойное духовное пространство, которое от спектакля к спектаклю выстраивает Михаил Левитин.

Но все сказанное совершенно не означает, что Левитин выбирает лишь «трудную» литературу и ставит по ней «трудные» спектакли. Театр «Эрмитаж», конечно, обладает совершенно особой афишей, в которой имена Гоголя, Олеси, Бабеля, Цветаевой, Венедиктова кажутся органичайшим

из сочетаний, потому что каждый из названных писателей не вычленив из культурного и исторического контекста, а максимально распахнут Михаил Левитин в прошлое, настоящее, будущее. И на этом именно стыке времен, а значит - стыке памяти, эмоций, впечатлений, рождается кого-то покоряющая, а кого-то отталкивающая магия театра Михаила Левитина.

Почему отталкивающая? - потому, наверное, что все мы люди, все мы по-разному дышим, слышим, воспринимаем, относимся к прошлому, к памяти.

Почему покоряющая? - да по тем же самым причинам...

Наверное, один из самых характерных в этом смысле - спектакль «Мотивчик», премьера которого состоялась в предыдущем сезоне. Для полноценного восприятия этого спектакля, в конечном счете, нужны были лишь два личностных момента: насколько привязан к внутреннему человеку к памяти своего детства, насколько

жизнотворным для всей последующей протяженности времени считает он его, насколько глубоко умеет зачерпнуть оттуда - это первое «условие». Вторым становится любовь к классической оперетте, к романтическому, приподнятому (хотя для многих связанному с пошлостью) миру веселых вдов, принцесс цирка, таинственных графинь и проигравших в дым повес...

Но Михаил Левитин - тот режиссер, что открыл нам мир оперетты и через них, с их помощью, некое большое и зашифрованное пространство, которое для кого-то стало подлинным откровением, а для других осталось заманчивым, крайне любопытным, но все-таки шифром, за которым немногое открылось, но все же поворотное, увлекло, захватило чем-то не до конца внятным. Может быть, что Михаил Левитин и здесь, в таком, казалось бы, «детском», «материале» пытался найти, обрести мотив человеческого единения? Тот едва слышный мо-

тивчик, что способен прозвучать когда-нибудь мощным аккордом.

В спектакле «Кругом, возможно, Бог» таким неожиданным аккордом оказывается «Песня часов» - стихотворение, разыгранное всеми участниками спектакля как замирающе-медленное, беспристрастное и тем самым загипнотизирующее течение Времени, в котором каждый из нас в отдельности и все мы вместе - малые песчинки, несущиеся неведомо куда и зачем...

Почти каждый спектакль Левитина усложняется по сравнению с предыдущим, и это происходит не только потому, что режиссер и писатель Левитину интересно поднимать внутреннюю планку. Хотя, быть может, и этот момент играет свою роль. Но мне представляется, что человек, давно взявший на себя обязанность прометей и адепта высокой культуры, оказывает на зрителя, доверие, все шире раз за разом приоткрывая дверь в мир того, что составляет для него главный творческий интерес. В последней премьере театра, спектакле «Сочечка и Казанова», к нам обращаются как к хранителям культурной памяти, как к высоким ценителям подлинных идеалов. Оправдана ли такая позиция режиссера? - боюсь отвечать с уверенностью. Полезно ли, плодотворно ли она? - несомненно...

Я пишу это все о Михаиле Левитине, зная его спектакли с самых первых в Москве, тех, о которых, может быть, и он сам вспоминает с трудом, я же вспоминаю о них, особенно о «Бойне номер 5» по роману Курта Воннегута, с ощущением того, что времена изменились до неузнаваемости, а вот Михаил Левитин остался верен себе. Постепенно, но твердо

он «доводит», доработившись, домысливает все то, что присутствовало в его человеческом театральном мире уже тогда, почти два десятилетия назад. Особенно же - в последние десятилетия, когда возник на карте Москвы театр «Эрмитаж»...

Много лет назад я брала интервью у Михаила Левитина. Мы говорили в основном о его книге «Чужой спектакль», и я припомнила показавшуюся мне очень важной цитату: «Ленинград в памяти моей не просто город, подавляющий величием, но и маленький остров, на котором с небольшой группой людей я разувал музыку человеческого общения».

В ответ Михаил Левитин привел эпизод репетиций спектакля «Фантазии Фарятьева», когда одна актриса, выслушав его наставления, сказала: «Как трудно играть вашу бессмысленную музыку!..» Ей было трудно, но интересно. «Может быть, эта «бессмысленная» мелодия и есть настоящая музыка человеческого общения?» - спросил меня и сам себя Левитин.

Наша беседа четырнадцатилетней давности, опубликованная в журнале «Литературное обозрение», так и называлась «Музыка человеческого общения». И сегодня, вспоминая все написанное и поставленное Михаилом Левитиным, думаю о десятилетнем пути его ни на один другой не похожего театра, я не могу назвать свои заметки иначе. Она звучит все отчетливее, она становится все дороже, эта дивная мелодия...

Наталья СТАРОСЕЛЬСКАЯ.

На снимке: сцена из спектакля «Кругом, возможно, Бог».

Фото Валерия СКОКОВА.

